

Радио без батареек

Ольга
Вячеславовна Хилько

Ольга Хилько

Радио без батареек

<https://litres.ru/74565618>

SelfPub; 2026

Аннотация

Пионерский лагерь, обычное лето. В заброшенном доме на окраине лагеря дети находят старый радиоприёмник. Без проводов, без батареек. Он не должен работать — но работает. Из него доносятся обрывки голосов: стук метронома, шаги по пустому городу, детский шёпот «мама, я не голодная». Дети слушают, пугаются, потом начинают собирать — как пазл — историю, которая прорвалась сквозь время. Блокадный Ленинград. Дети, которых вывозили из города. Люди, которые не выжили.

Повариха тётя Галя и директор Иван Петрович тоже были там. В то время. В тех местах. Они молчали тридцать лет. Но когда дети показали спектакль по тому, что услышали из приёмника, — дорассказали остальное. Своими словами. Потому что некоторые вещи нельзя передать через провода. Их можно только сказать человеку, который стоит рядом.

А потом они пошли к заброшенному дому. Радио исчезло на глазах. Своё дело оно сделало.

Содержание

Часть 1 Сосновый бор	4
Часть 2 Отряд	8
Часть 3 Старый дом	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Ольга Вячеславовна Хилько Радио без батареек

Часть 1 Сосновый бор

Лето 1975 года выдалось на Вологодчине таким, какие бывают раз в десять лет: тёплое, но не душное, с короткими грозами, после которых трава пахла так густо, будто её варили. Белое озеро по утрам затягивало туманом, а к полудню туман таял, и вода становилась такой прозрачной, что с берега можно было увидеть, как по дну ползут раки.

На пологом склоне, в километре от берега, раскинулся пионерский лагерь «Сосновый бор». Он прижался к смешанному лесу — сосны подступали с севера, ельник с запада, и только с южной стороны, за футбольным полем и полосой препятствий, открывался вид на озеро. Туда, к воде, по вечерам бегали купаться, а по утрам над ней висел туман, и кажется, будто озеро дышит.

Шесть жилых корпусов стояли в два ряда: младшие — поближе к столовой, средние — чуть выше по склону, старшие — почти у кромки леса, где ночами слышно было, как шуршат ежи. Корпуса были деревянные, одноэтажные, с крылеч-

ками и выцветшими от солнца лавочками у входа. Внутри — комнаты на шесть-восемь человек, двухъярусные кровати, тумбочки, на стене расписание дежурств и плакат «Будь готов!»

Столовая стояла отдельно — широкая, светлая, с большими окнами, через которые в обеденный зал лилось солнце. Рядом притулилась кухня: шумная, жаркая, насквозь пропахшая кашей, компотом и свежей выпечкой. Там хозяйничала тётя Галя — повариха, которую в лагере знали все.

Площадка для выступлений, которую все называли «Зелёная эстрада», находилась между корпусами и озером. Сцена из потемневших от дождей досок, перед ней — ряды скамеек, со временем вросших в землю. Тут проводили линейки, концерты и вечера старшеклассников: ставили смешные сценки про «строного завхоза», танцевали под проигрыватель, а когда электричество отключали — что случалось нередко — пересаживались к костру и пели под гитару. Эти вечера всегда балансировали на грани: то звонко-весёлые, то вдруг тихие, когда кто-то затягивал старую песню и все невольно притихали.

Жизнь в лагере подчинялась расписанию, высеченному, казалось, в граните. Подъём под горн в восемь утра. Зарядка. Линейка. Завтрак — каша, какао, бутерброд с маслом. Потом кружки, спорт, купание. Обед — первое, второе, третье и компот. Тихий час, когда полагалось лежать смирно, но на деле шептались и читали под одеялом с фонариком.

Полдник — стакан кефира с печеньем. Снова кружки. Ужин. Вечерняя линейка, спуск флага. Отбой в двадцать два ноль-ноль. И сразу после отбоя — настоящее веселье: страшные истории, ползание в чужие кровати, обмен секретами. yamal-media.ru +1

Вожатые были чуть старше подопечных. Многим едва исполнилось восемьдесят — сами только вышли из лагерной жизни и потому понимали ребят без нотаций. Среди них заводились свои истории: кто-то тайком бегал на свидания к вожатым из соседнего отряда, кто-то ссорился из-за дежурств, кто-то мирился за чаем с печеньем. Они спорили, смеялись, уставали до дрожи — но неизменно возвращались к детям.

А у самого края территории, там, где лес уже не расступался, а будто нарочно сдвигался плотнее, стоял старый дом. Издалека он казался просто заброшенным: покосившееся крыльцо, рамы без стёкол, крыша, прогнутая под тяжестью зим. Раньше в нём была мастерская по ремонту инвентаря и склад лагерного реквизита — костюмы для спектаклей, барабаны, горны, старые афиши. Потом построили новый хозблок поближе к столовой, и старый дом опустел. Тропинка к нему заросла папоротником и молодыми ёлочками, и потому стоял он одиноко на отшибе: никому не нужен, и заходить туда было как-то неловко — словно вторгаешься в чужую память.

Старожилы шептались, что в войну на месте этого дома

была сторожка лесника, через которую шли тропы беженцев, а потом — временный медпункт для эвакуированных. Говорили, что земля здесь «тонкая»: если встать в полночь у северной стены и не дышать, можно расслышать чужие шаги. Кто-то смеялся, кто-то нарочно проверял и потом молчал.

Часть 2 Отряд

Артём Волков приехал в «Сосновый бор» ранним утром двадцать шестого июля, с рюкзаком за спиной и гитарой в чехле. Ему было девятнадцать — худой, загорелый, с тёмными глазами, которые смотрели на мир внимательно, будто всё время что-то искали. Волосы светлые, выгоревшие на солнце, носком обутый нос — вечно обгоравший, потому что Артём забывал надевать кепку. Он был студентом второго курса Вологодского педагогического института, факультета педагогики и психологии, и пошёл туда не случайно: его дед часто рассказывал о детях-сиротах военного времени, и Артём решил, что хочет работать с детьми профессионально.

На первом курсе он записался в школу вожатых — курс по детской психологии, организации досуга, основам первой помощи. Летом ему предложили поработать в «Сосновом бору». Директор — Иван Петрович, пожилой мужчина с крупными руками и кепкой, вечно сдвинутой на затылок, — знал Артёма с детства и сказал:

— Ты вырос здесь, знаешь эти места. Попробуй вести отряд — не обычный, а экспериментальный: творческий, исследовательский. Пусть ребята не просто отдыхают, а открывают что-то новое.

Артём согласился не раздумывая. Но когда ему привели пятерых, он удивился: почему так мало? Обычный отряд —

человек тридцать-сорок. Иван Петрович объяснил: на вторую смену детей приехало меньше обычного, а эти пятеро, по его наблюдению, «тянутся друг к другу». Попробуй, сказал он, сделай из них что-нибудь.

Пятеро стояли перед Артёмом на утренней линейке и смотрели на него с разным выражением — от любопытства до полного безразличия.

Лиза Белова — тринадцать лет, перешла в седьмой класс. Невысокая, крепко сложенная, с каштановыми косичками и серьёзными серыми глазами. На носу — очки в тонкой оправе, которые она то и дело поправляла. В руках — блокнот и ручка; она всё записывала, будто готовилась сдавать экзамен по лету. Родители — учителя истории в школе. В лагерь её отправили, чтобы «отдохнула от учебников и пообщалась со сверстниками». Лиза хотела стать журналистом и потому документировала всё: что ели на завтрак, кто с кем поссорился, какая погода была в полдень.

Соня Зорина — двенадцать лет, перешла в шестой класс. Худенькая, с тонкими запястьями и тёмными глазами, которые быстро скользили по лицам и предметам, задерживаясь на чём-то, что другие не замечали. Волосы — чёрные, коротко стриженные, и из-за этого она казалась старше. Мама — библиотекарь, папа — геолог, часто в экспедициях. В лагерь отправили, чтобы «подышала воздухом и перестала сидеть над книгами». Соня любила рисовать, вела «дневник наблюдений» за природой и тайком сочиняла стихи, которые

никому не показывала. Она прятала руки в карманы и при этом умудрялась первой замечать любые странности.

Ваня Гордеев — тринадцать лет, перешёл в седьмой класс. Крепкий, рыжеволосый, с россыпью веснушек на носу и широким ртом, который редко закрывался — либо шутил, либо ел. Шутил так быстро, что иногда сам не успевал понять, смешно ли. Старший из троих детей в семье. Мама работала в ателье, папа — водителем автобуса. В лагерь отправили, чтобы «дал маме передохнуть от его проделок». Ваня был неуёмный, подвижный, но без злости — его розыгрыши всегда оставались в границах, за которые не били.

Паша Никитин — двенадцать лет, перешёл в шестой класс. Среднего роста, с русыми волосами и спокойным взглядом. Носил часы на левом запястье и компас на правом — не из склонности к измерениям, а потому что любил точность. Сильн в математике, любил головоломки и шифры. Папа — инженер на заводе, мама — медсестра. В лагерь отправили, чтобы «проветрил голову и научился общаться со сверстниками не только через цифры и схемы». Паша был рассудителен, внимателен к деталям, немного скептичен — но при этом отзывчив. Любил объяснять сложное простым языком.

Митя Соловьёв — одиннадцать лет, перешёл в пятый класс. Маленький для своего возраста, с большими кари-ми глазами и мягкими русыми волосами, которые падали на лоб. Говорил тихо, почти шёпотом, и когда молчал — а мол-

чал он подолгу, — казалось, что он решает в уме какую-то задачу, ответ которой известен только ему. Жил с бабушкой — родители погибли в автокатастрофе два года назад. Бабушка отправила его в лагерь, чтобы «хоть немного поселился и забыл о грустном». В руках Митя всегда держал губную гармошку — немецкую, довоенную, с тёмным лакированным корпусом и серебристыми язычками. На внутренней стороне крышки сохранилась выгравированная надпись: «Für mein lieber Sohn». Дед нашёл её после войны в брошенном доме и хранил как память о том, что даже у врагов есть семьи. После гибели родителей Митя почти перестал разговаривать. Дед достал гармошку и сказал: «Если не хочется говорить — пусть говорит музыка». Через несколько недель Митя сыграл «Во поле берёза стояла». Бабушка заплакала. А дед кивнул: «Вот и хорошо. Значит, живёт в тебе музыка».

Артём оглядел пятерых и подумал: ну и компания. Две девочки — одна записывает, другая молчит. Три мальчишки — один шутит, второй считает, третий не говорит. Из такого состава разве что хор молчания соберёшь.

Но уже через два дня он понял: эти ребята не убегают от скуки — они убегают навстречу загадкам.

Часть 3 Старый дом

На третий день, после тихого часа, Лиза пошла гулять одна — с блокнотом, разумеется. Она дошла до края территории, где лес подступал почти вплотную, и увидела старый дом. Тропинка к нему почти исчезла — затянулась папоротником, кое-где земля проваливалась под ногами. Дом стоял, чуть наклонившись, будто кривился от старости. Окна без стёкол смотрели в лес. Крыльцо покосилось. Дверь, хоть и висела на петлях, была плотно прижата к косяку, будто кто-то изнутри не хотел её открывать.

Лиза толкнула дверь. Та скрипнула — длинно, жалобно, как будто жаловалась. Внутри было сумрачно; свет пробивался через щели в стенах. На полу валялись обрывки старых афиш, куски фанеры, пара проржавевших горнов. В углу — груда тряпья, а рядом, на старом ящике, стоял радиоприёмник.

Он был тяжёлый, с облупившейся краской и решёткой динамика, похожей на рот с щербатыми зубами. И самое странное — в нём не было отсека для батареек.

Лиза позвала остальных. Ребята пришли через десять минут — Ваня на ходу сочинял про «дом с призраками», Соня шла молча, внимательно глядя по сторонам. Паша первым делом оглядел дом снаружи и сказал, что длина его — примерно двенадцать метров, а ширина — восемь. Митя оста-

новился у порога и прислушался — не к тишине дома, а к чему-то другому, что он один, кажется, слышал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.